

Наталья Нарочницкая

РОССИЯ И ЕВРОПА В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Если мы хотим по-настоящему понять новую политическую эру во всех ее геополитических, правовых, международных и идеологических аспектах, нам придется выйти из догм доктрины глобализации под «единым управлением» и посягнуть на некоторых «священных коров».

Тем более что мне, получившей образование в советское время, демагогические толкования итога соперничества «тоталитаризма и демократии» и проповеди о глобализации уж очень напоминают тезис марксистского обществоведения о «главном содержании эпохи – переходе от капитализма к коммунизму». Очередной передел мира меньше всего отражает борьбу идеологий двадцатого века, которая, на самом деле, не определяла международные отношения даже в период «холодной войны».

После распада СССР началась перекройка мира в борьбе за российское геополитическое наследство. И теперь уже некоммунистическая Россия подвергается гораздо более сильному давлению, чем когда-то Советский Союз.

Начавшаяся реструктуризация Евразии проявляет знакомые устремления имперского прошлого Старого Света. Балто-Черноморская дуга с пока еще недостающим элементом – Белоруссией – это старый проект XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю. Как и сто лет назад, сегодня Косово является единственным сухопутным путем в Салоники, связывающим Западную Европу с Босфорским проливом.

Англосаксы вступают «миротворцами» в Кабул и Месопотамию, осуществляя дерзкие мечты Дизраэли и Пальмерстона времен Крымской войны. Впрочем, как свидетельствует договор Сайкса-Пико, Месопотамия была и тем вожделенным призом, к которому Британия стремилась в Первой мировой войне. Так что сегодняшнее внимание «к правам человека в Ираке» имеет глубокие исторические корни, причем, совсем не «гуманитарного», а военно-стратегического и экономического характера.

Мне пришлось наблюдать в Парламентской Ассамблее Совета Европы, как лорд Джадд, член Палаты лордов и социалист – выступал в роли довольно комичного подражателя Пальмерстона, создавая «чеченские комитеты», подобно тому как Пальмерстон создавал «черкесские комитеты» на Парижском конгрессе 1856 года.

Вступая в НАТО, Восточноевропейские страны вновь отдаляются от России. Но возвращаются они не столько в свою «латинскую» Европу, не в «неогабсбургский» ареал, а попадают в конфигурацию под американской эгидой, смысл которой сегодня в установлении контроля над будущим всей Европы, а если Россия бы не возродилась, то и всей Евразии.

Папа Иоанн Павел II, назвавший только украинцев наследниками святого Владимира, стал упорно насаждать католические епархии на территории России, похоже, вознамерился реализовать замысел Папы Урбана VIII, который вскоре после Брестской Унии 1596 года возвал: «О мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока».

Борьба за контроль над природными ресурсами, а также наземными и морскими подступами к ним по-прежнему остается основной причиной передела мира.

Именно поэтому Запад в настоящее время пытается вытеснить Россию на Северо-Восток Евразии, подальше от морей, перекрыв ей доступ к району Средиземного, Черного и Каспийского морей и отрезав её от коммуникаций. Это пространство является северной границей мирового энергетического эллипса, который включает в

себя Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Кавказ и замыкается в Афганистане.

Южная дуга начинается в Средиземном море и Босфоре. Она соединяет англосаксонские позиции в Турции и достигает Афганистана, проходя через Персидский залив и Пакистан. Афганистан стал протекторатом, а другое препятствие – Ирак, этот «Карфаген» Персидского залива, должен был быть уничтожен. Теперь очередь за Ираном.

Северная дуга эллипса проходит через Украину, Молдавию и Кавказ, Грузию. Чтобы осуществить контроль, нужно чтобы и территории, расположенные между Балтийским и Черным морями, вошли в атлантическую сферу влияния. Михаил Саакашвили, президент Грузии и «величайший демократ» всех времен, агрессия, авантюра которого стоила жизни тысяч человек, получает полную поддержку Соединенных Штатов, в то время как Белоруссия, которая является недостающим звеном этой цепи, подвергается поношениям. На Россию оказывается все возрастающее давление, чтобы вытеснить Черноморский флот из Севастополя.

Евразийская стратегия Вашингтона направлена на достижение полного контроля над подступами к энергетическому эллипсу. Соединенные Штаты стремятся лишить существующих и потенциальных центров силы и возможностей, определяющих влияние на будущее.

Конфликт в Чечне также служит достижению этих двух стратегических целей. Именно поэтому он был превращен в инструмент и составную часть глобального проекта. Мы наблюдали, как уголовный мятеж в Чечне выдавался за национально-освободительное движение и борьбу за права человека. Но, как известно, в последние века исламский импульс к экспансии всегда имел неисламского дирижера и направлялся на достижение определенных геополитических целей.

Уже в 1835 году в Черном море Россией было арестовано британское судно Виксен (Лиса), выгружавшее оружие для черкесов. В наши дни мы снова являемся свидетелями попыток англосаксов связать между собой все стратегически важные точки вдоль линии Средиземное море - Малая Азия – Персидский залив - Пакистан.

В этих условиях постоянные сентенции об окончании холодной войны могут вызвать у историка лишь скепсис. Есть всего лишь два отличия международных отношений в XX веке от имперского прошлого, включая современное использование такого инструмента, как демократия. Они заключаются в беспрецедентной идеологической мотивации и удручающем пренебрежении этикой.

В годы соперничества пролетарской «egalité» с третьесословной “liberté”, американские президенты и советские генеральные секретари, воспитанные на массовой культуре, а не на музыке Моцарта, были весьма далеки от этики дуэли международных отношений времен князя Меттерниха и князя Горчакова, и вместо горчаковского «la Russie se recueille» показывали «кузькину мать» и стиль Рэмбо. Похоже, за океаном мало что изменилось.

При этом война в Корее, американское вторжение на Кубу и советское вторжение в Венгрию и Чехословакию вовсе не были чем-то новым в области международных отношений. Новым было другое – невиданная идеологизация с обеих сторон, отождествление собственных интересов с вселенскими морально-этическими идеалами. В такой логике оппонент превращался во врага человечества. И коммунизм, и либерализм восходят к философии прогресса. Они провозглашают в качестве основных целей внешней политики не национальные интересы, а «пролетарский интернационализм», «счастье человечества» и «демократию». Как видно, и в XXI веке кое-кто хочет представить свой геополитический проект глобального управления через манихейскую призму борьбы добра со злом.

Современный крайний либерализм, выдаваемый за истину в последней инстанции для насаждения везде и повсюду, представляет собой некую попытку «теологизации» своего проекта. Создание глобального сверхобщества под единым управлением – это идея, которую в свое время проповедовал марксизм и до сих пор проповедует либерализм. Она представляется нам карикатурным отражением идеи метафизического Рима (*translatio imperii*), кочующего с Запада на Восток и с Востока обратно на свою родину – Запад!

Поразительно, как кузены - марксизм и либерализм - используют одинаковые выражения для осуждения своих врагов.

Когда мы слышим, что «история движется к триумфу свободного рынка и демократии, а некоторые страны хотят остаться на обочине этой столбовой дороги», кажется, что это цитата из выступления Никиты Хрущева на съезде КПСС. Но эти слова были произнесены не Хрущевым, а Кондолизой Райс.

Здесь мне опять придется высказать «политически некорректное» замечание. В настоящее время мы видим, что все преобладающие векторы векового соперничества за выходы к морю и за ресурсы соединились с элементами «холодной войны», что напоминает религиозные войны.

Мы наблюдаем возврат к довестфальскому мышлению. Вестфальский договор 1648 года положил конец Тридцатилетней войне, которая велась по идеологическим и религиозным соображениям. Начиная с этого времени субъектом международного права стало национальное государство вне зависимости от формы правления, которая менялась в зависимости от национального выбора.

Эпоха Просвещения сделала своей отправной точкой не только либеральную демократию, но и «суверенитет народа». Международное публичное право основано на принципе абсолютной суверенности национального государства, которое не может быть первого или второго сорта, а суверенитет государства не зависит от уровня его «цивилизованности».

В главе I Устава Организации Объединенных Наций - «Цели и принципы» - не содержится ни одной ссылки на какую-либо идеальную религиозно-философскую или социально-политическую систему. В ней даже не упоминается демократия в качестве цели, но делается упор на «суверенном равенстве» всех участников международных отношений, то есть республик и монархий, обществ религиозных и светских, секулярно-либеральных западного типа или иных. С точки зрения международного права и Устава ООН все эти типы государства являются абсолютно равноправными, и ни одно из них не может быть определено в качестве прогрессивного или реакционного, высшего или низшего!

В свое время И. Кант, сторонник республиканской идеи, тем не менее, утверждал, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопрос правления и государственного устройства других государств». Еще более актуальным сегодня на фоне «гуманитарных интервенций» является другое его положение: «Карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немыслима, поскольку между ними нет отношения высшего к подчиненному». Видно, как современная идеология глобализма отрекается от своего основополагающего принципа эгалитарности и устанавливает именно отношения между нациями как «отношения высшего к подчиненному».

Забвению подвергнут и Устав ООН, который запрещает использование силы или угрозы ее применения в отношении территориальной целостности и политической независимости любого государства.

Получается, что опять малые государства полностью зависят от мнения о них крупных держав.

Но именно поэтому незападный мир уже воспринимает заявления о праве на бомбардировки суверенных стран во имя вселенской демократии как банкротство самой западной системы ценностей.

А ведь она долгое время была привлекательна, что приносило Западу авторитет и немалые политические и прочие дивиденды. Куда же идет Запад?

Для Европы пришло время взглянуть на собственное будущее иначе. И Европе нелишне было бы посмотреть на свое будущее в ином свете, чем в единственно “политкорректных” клише “прав человека”, демократии и “глобализации”. Статус России как великой державы ассоциировался в конце XX века с основной угрозой суверенитету, демократии и правам человека. Но именно эти ценности были растоптаны самим Западом сразу же, как разрушился СССР.

Начавшийся передел мира, серия интервенций в суверенные страны имеют вовсе не европейскую цель. Это неизбежно влечет перегруппировку сил на самом Западе, причем, отнюдь не в интересах Европы. Стратегические потери России вовсе не усилили прежних континентальных партнеров России. Более того, эти сдвиги, как проявилось, даже не придают новой энергии “европейскому проекту”. Не стала подлинным реваншем «старой» Европы и инкорпорация Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши и балканских государств в западный ареал, даже если кто-то в Европе ощущал в себе зов предков от крестоносцев, Габсбургов и Бонапарта.

Все геополитические и военно-стратегические сдвиги встраиваются скорее в американскую, но не в европейскую конфигурацию. Не говоря уже о том, что хваленая экономическая и социальная конструкция ЕС сегодня в условиях финансового кризиса едва выдерживает дополнительный груз. А, значит, новые конфигурации служат не самой Европе, а подчинению ее “глобальному управлению” и евразийскому проекту США.

Но чем дальше от Европы Россия, тем скорее Европа - «Старый Свет» утрачивает роль центра, где свершаются всемирно-исторические события.

Европа, возможно, уже иногда ощущает, что одно из следствий этого - неизбежное падение ее собственной роли в мире и даже как союзника Вашингтона. США вышли на такие рубежи, где «старая Европа» уже не стержень интересов Вашингтона, а всего лишь обеспеченный тыл. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» нужно Вашингтону не для обороны западной части континента от угрозы с востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным трамплином продвижения в Евразию». Так было сформулировано З. Бжезинским, но Европу это почему-то не насторожило.

Не российское великодержавие угрожает роли Европы в мировой политике, а, наоборот, его отсутствие.

Идея европейского единства была чрезвычайно привлекательной в течение многих веков. Но о каком единстве идет речь?

Можно рассматривать мир и Европу лишь как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в оптимизации. Но в технократической целесообразности историческое наследие обесценивается. Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Шекспиром, Флобером и Достоевским. В этом проекте униформного пространства нет места не только православной России, но и ни одной из великих духовных и национальных традиций человечества, в том числе и великой европейской культуре.

Чисто материалистический идеал знаком России, и русские лучше других знают, насколько он обречен. Сами европейские державы были на пике своего величия тогда, когда их история воплощала цели не только материальные, но и духовные, когда

Европа жила «не хлебом единым». Заметим, что и коммунистический СССР поднялся на пик могущества только после того, как Великая Отечественная война востребовала национальный дух и возврат к традиционным ценностям Отечества.

И России, и Западной Европе необходим мощный импульс в начавшемся третьем тысячелетии от Рождества Христова. Но для этого нужно признать, что не только самой России, но и Европе нужна и выгодна сильная Россия, что им обоим нужно, чтобы Россия вернула роль системообразующего фактора международных отношений.

Не побуждают ли новые вызовы по-новому взглянуть на дилемму «Россия и Европа»? Пусть те, кто ощущает себя «новыми» в истории Европы в своей «эйфории эмансипации» тешат себя образами «азиатской Московщины и цивилизованного Запада» - их эйфория столь же естественна, сколь недолговечна. Пусть шумят на российского слона Рига, Таллин и вечно враждебная России Варшава, которая даже готова глорифицировать бандитов, режущих в Чечне головы христиан.

Но зачем это тем, чья национальная история и была великой всевропейской историей?

Подлинное сотрудничество между Россией и Европой могло бы дать новый импульс развитию нашего континента на заре третьего тысячелетия. Великие романо-германская и русская православная культуры зиждутся на едином апостольско-христианском и духовном фундаменте.

Вспомним, что до всяких конституций нас объединяли в одну цивилизацию «Не убий» и «Не укради», «Отче наш» и Нагорная проповедь.

Мы, европейцы, как западные, так и восточные, явили миру высочайшие образцы латинской и православной духовности. Их гении выразили в своих произведениях два разных поиска Бога, а также две формы апостасии: гетевский Фауст стал воплощением скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамазов Достоевского - дерзкого вызова Богу русской гордыни, не желающей смириться с попущением зла на земле.

Жак де Гофф, ведущий историк школы "Анналов" видит задачу, которую "ныне предстоит осуществить европейцам Востока и Запада» «в объединении обеих половин, вышедших из общего братского наследия единой цивилизации, уважающей порожденные историей различия".

Подлинное единство – не в новых разделительных линиях, они ведь не новы и слишком напоминают конфигурации многовекового «Дранг нах Остен». Подлинное единство и не в диктате идеологических стандартов Совета Европы – это тоже не ново, так действовал Третий Интернационал.

Подлинный импульс, подъем и самостоятельность Европе может принести только признание вселенской равноценности наших опытов, осознание, что будущее – в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной. Но для этого надо признать: будущее России - это будущее Европы!